

Кошкарев Е., Вырыпаев В.О снежном барсе в Тянь-Шане// Биологическое разнообразие Западного Тянь-Шаня. Тр. Аксу-Джабаглинского госуд природ. заповедника. – Кокшетау, 2001. Вып. 8. С. 148-151.

В Среднеазиатском регионе в пределах бывшего СССР в 80-х г. прошлого столетия насчитывалось порядка 1500-1700 особей снежного барса. Основная часть популяции была сосредоточена в Киргизии (800-900), Таджикистане (500), Казахстане (200) и Узбекистане. Численность этого хищника, как и ареал, постепенно сокращались последнее столетие. Но того что произойдет со снежным барсом после распада Советского Союза, не предполагал ни кто. Невыплата с 1992-1993 гг. зарплаты в сельской местности, свобода "черного рынка", резко подскочивший спрос на сырьё для китайской медицины способствовало развитию браконьерских охот как на самого снежного барса, так и на виды, составляющие основу его рациона – архара, козла, сурка. Размах браконьерства стал беспрецедентным. Снежных барсов убивали даже в зоопарках, объявления о продаже шкур и живых зверей печатались в газетах. В Академии Наук Киргизии нам рассказывали, что по телефону предлагали продать беременную самку снежного барса, правительств Таджикистана официально разрешило охоту на ирбиса по лицензиям. Контрабандный сбыт шкур и трупов открылся в Китай через границы Казахстана и Киргизии.

В 1995 г., в дни празднования 1000 - летия эпоса Манас в Киргизии в качестве украшения праздничных юрт было использовано около 200 шкур снежного барса. Всё прошедшее десятилетие шкуры и живые звери Киргизии, Казахстане, Таджикистане были обычным подарком на правительственных и административных уровнях. Шубы из снежного барса дарили: президент Киргизии — президенту Казахстана, президент Казахстана – королю Испании, живых барсят в Киргизии подарили Дэн Сяопину и взрослое животное – в зоопарк города Астаны (Казахстан).

По ориентировочным подсчетам германской природоохранной группы NABU, развернувшей противобраконьерскую компанию в Киргизии, плотность населения снежного барса в 90-е гг. в Прииссыккулье упала в 5, а на Киргизском хребте - в 10 раз. Наибольший урон, по-видимому, несет популяция этого зверя в Киргизии, где охота на ирбиса испокон века была традиционной (надо помнить, что для зоопарков наибольшее число зверей было отловлено именно в Киргизии) и традиция эта жива до сих пор. По материалам, собранным в Центральном Тянь-Шане, было установлено, что капканами отлавливается до 80% зверей, а из огнестрельного оружия только 20%.

По нашим подсчетам (Кошкарев, Вырыпаев, « Дикая природа», 2000) популяция снежного барса в Киргизии после распада СССР была уничтожена не менее чем на две трети. Значит, в настоящее время их осталось не более 200. Катастрофы подобного масштаба популяция ирбиса не знала за всю свою историю.

В Западном Тянь-Шане (территория Казахстана, Узбекистана и юго-запада Киргизии) интенсивность браконьерских охот, как и их добычливость, значительно ниже, так как в этом регионе отлов барса самоловами (капканы, петли) не практикуется, а отстрелы — дело случая. Поэтому, результативность добычи снежного барса из огнестрельного оружия в 4-е раза ниже капканного. В данном регионе снижение численности снежного барса, как показали опросные данные, происходит за счет истощения кормовой базы даже на охраняемых территориях. Так, в Аксу-Джабаглинском заповеднике (Казахстан) и Чаткальском заповеднике (Узбекистан) численность диких копытных за последние 20 лет сократилась в 5-8 раз. Многие колонии сурков (красного, Мензбира) остаются безжизненными.

Первопричиной такого состояния охраны животного мира мы считаем коррупцию и безработицу. До распада Союза, когда масштабы коррупции, безработицы и черного рынка были ограничены, ограниченным было и браконьерство. Оно служило только дополнительным заработком и поэтому позволяло выживать и людям и животным. После распада Союза коррупция и безработица стали явлением повсеместным. Именно они превратили обширный регион Средней Азии в сплошной "черный рынок", а браконьерство и посредничество в сбыте незаконной продукции - в единственный заработок для многих жителей не только сельской местности, но и городов. Сквозь призму коррупции, безработицы и "черного рынка" не кажется удивительным, что миллионные вложения международных фондов не смогли поддержать охрану природы и в частности животного мира на территории республик бывшего Союза так, как ожидалось. Природоохранные доллары, природоохранные программы действовали преимущественно в стенах природоохранных кабинетов и поэтому поддерживали в первую очередь не природу, а ту же коррупцию, безработицу и тот же "черный рынок".

Есть ли выход из создавшегося положения? Да, есть. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы, полученные в результате полевых работ проведенных в валютных охотхозяйствах, в угодьях контролируемых золотопромышленной канадской частной компанией "Kumtor Operating Company", в президентском (фактически частном) охотничьем заказнике "Кегеты" и на территории государственного заповедника "Сарычат-Эрташ" в Киргизии.

"Kumtor Operating Company" и Сарычат-Эрташский заповедник - соседи. В 1993 г., когда заповедник еще не открыли, а компания только начинала работу, против нее поднялась волна громких протестов общественных и природоохранных организаций - не в последнюю очередь из-за возможного браконьерства на территории будущего заповедника. Чтобы избежать даже слухов о возможном браконьерстве, канадское руководство сделало умный шаг. Оно полностью запретило не только использование в Кумторе (в районе работ) какого-либо оружия, но и его ношение. Запрещено было и пребывание в Кумторе посторонних лиц. В итоге у западных границ заповедника за 2 года до его создания (!) появились такой надежный заслон от браконьеров и такая гигантски (500 кв. км) буферная зона. Совершенно противоположные события происходили на южных границах, где находятся лучшие местообитания снежного барса и где до создания заповедника хозяином был колхоз. В годы Советской власти чабаны пасли здесь колхозный скот и нелегально отлавливали снежного барса, таким образом получая дополнительный заработок. После развала колхозов чабаны перешли на работу в заповедник. Заработок, который в колхозе был дополнительным, в заповеднике оказался единственным. Люди продержались на нем всего 3-4 года, потому что за это время снежный барс в заповеднике был полностью уничтожен.

Егеря в заповеднике получают зарплату, эквивалентную 6-3 долларам в месяц, да и то не регулярно, поэтому не думать о браконьерстве они не могут. Шкура ирбиса в их положении — единственный способ выжить, и у нас нет никакого морального основания обвинять этих людей,

Ежемесячная зарплата рабочих канадской золотопромышленной компании - 200-300 долларов. Имея такие деньги, рабочие предпочитают даже не думать о нелегальной охоте. Приблизительно такой же заработок у рабочих в частных валютных охотхозяйствах. Мы обследовали их в мае и ноябре 1999 г., и результат всюду был одним и тем же: свежие следы ирбиса встречались там, где им положено встречаться. Плотность архара и горного козла - главных объектов валютных охот, была в несколько раз выше, чем в заповеднике "Сарычат-Эрташ". Такой же райский уголок был создан на Киргизском хребте в президентском заказнике "Кегеты". За короткое время после открытия заказника здесь

были восстановлены ранее почти уничтоженные серый сурок и снежный барс, значительно возросла численность горного козла.

Частная собственность - это личная заинтересованность и личная ответственность. Здесь желание "взять" уравновешено необходимостью "создать", что дает прочную основу на продолжительную перспективу. Успешное ведение дел и эффективная охрана животных в валютных охотхозяйствах, и на территории киргизско-канадской золотопромышленной компании — лучший тому пример.

Государственная собственность, в нынешних условиях, рождает только желание "взять", которое существующая ответственность уравновесить бессильна. Картина полного истребления снежного барса в заповеднике "Сарычат-Эрташ" - бесспорное тому подтверждение.

Исходя из выше изложенного, можно сделать единственный вывод - каждый природопользователь должен быть заинтересован в увеличении численности диких животных. Для этого должна быть соответствующая правовая база, экономическая целесообразность и желание. Только в таком случае ситуация с охраной редких видов животных может измениться в лучшую сторону, а при желании правительства она изменится десятикратно быстрее без пустых слов и ложных проектов, которые сегодня кормят преимущественно тех, кто их придумал.